МИР 13.09.2017 | Ян Бурума

Снос памятников проблем не решает

Ян Бурума о власти монументов

Ужасающий спектакль, устроенный неонацистами в августе в Шарлоттсвилле (штат Вирджиния), где они прошлись с факельным маршем, выкрикивая лозунги о превосходстве белой расы, был спровоцирован планами города снести памятник Роберту Ли. Командующий армией Конфедерации, он сражался за сохранение рабства на сепаратистском Юге во время Гражданской войны в США. Конная статуя генерала Ли была установлена в 1924 году; в ту пору линчевание черных граждан США не было редкостью.

Вдохновленная событиями в Шарлоттсвилле, в Британии появилась инициативная группа, которая требует сбросить адмирала Нельсона со знаменитой колонны на Трафальгарской площади в Лондоне, потому что этот герой британских военно-морских сил поддерживал работорговлю. А два года назад в Оксфордском университете протестующие требовали убрать статую Сесила Родса из Ориел-колледжа, где этот старый империалист когда-то был студентом, потому что сейчас его расовые и имперские взгляды считаются отвратительными.

В такого рода иконоборчестве всегда было что-то мистическое. Оно опирается на веру, что, уничтожив изображение, можно каким-то образом решить проблемы, связанные с ним. В XVI веке, когда английские протестанты бросили вызов власти Римской католической церкви, дикие толпы громили кувалдами и топорами каменные и любые иные изображения святых. Революционеры XVIII века проделывали то же самое с французскими церквями. Самый радикальный случай произошел в Китае, причем всего лишь чуть более полувека назад: «Красная гвардия» разрушала буддистские храмы и жгла конфуцианские книги (и более того, вообще все старое и традиционное) во имя Культурной революции.

Такого рода разрушительную деятельность легко порицать. Исчезли великие здания и произведения искусства. Может было бы даже сделать вывод, что лишь люди, верящие в магическую силу изображений, способны хотеть их уничтожить. И поэтому разумный

способ обращения с памятниками прошлого был бы таков: относиться к ним просто как к артефактам истории.

Тем не менее, не все так просто. Кто бы стал доказывать после 1945 года, что улицы и площади немецких городов должны и дальше носить имя Адольфа Гитлера? Это, конечно, была не детская выходка – убрать скульптуры фюрера, а после 1989 года изображения советских лидеров в странах Центральной и Восточной Европы. Кто-то может сказать, что портреты этих лидеров и их приспешников не имели такой же художественной ценности, как великие церкви средневековой Англии или буддистская скульптура династии Тан в Китае. Но, если исходить из чисто художественных соображений, статуи генерала Ли тоже вряд ли достойны сохранения.

Вопрос в следующем: где мы должны провести линию. Следует ли судить об историческом деятеле по количеству крови на его руках? Или же мы должны установить некие временные рамки?

Есть мнение, что памятники злодеям, о которых ещё помнят живущие люди и которые могут вызывать боль у выживших жертв, следует сломать, а все более старое – оставить. Но такой подход тоже не работает. Проходит время, а аргументы в пользу сохранения памятника Гитлеру в общественном месте (предположим, что такой еще существует) не становятся убедительней.

В южных штатах США многие доказывают, что памятники Конфедерации следует защищать просто как напоминание о прошлом, как часть общего «наследия». Проблема в том, что история не всегда нейтральна. Она может оставаться токсичной. То, как мы рассказываем о нашем прошлом, и то, как поддерживаем живой память в форме культурных артефактов, во многом является отражением нашего коллективного самовосприятия. А оно требует определенной степени консенсуса, которого часто не существует, особенно после гражданской войны.

Случай послевоенной Германии вполне понятен. Восточная и Западная Германия начали выстраивать свое коллективное будущее в полном контрасте с нацистским прошлым. Лишь жалкие маргиналы сохраняют теплые воспоминания о Третьем рейхе.

Тем не менее, до сих пор немецкие власти запрещают демонстрацию любой нацистской символики, опасаясь, что она еще способна спровоцировать народ на повторение мрачнейших эпизодов истории страны. Такой страх понятен, он не является полностью

иррациональным. И такое искушение может становиться даже сильнее, поскольку живые воспоминания об эпохе нацизма исчезают.

Новейшая история Британии менее травматична. Взгляды Сесила Родса или адмирала Нельсона были вполне традиционными в их время, но сегодня, без сомнения, вышли из моды. Крайне маловероятно, чтобы множество британцев, глядя на Нельсона на его колонне или посещая Ориел-колледж в Оксфорде, вдохновились на защиту рабства или на создание империи в Африке.

А вот американский Юг до сих пор является проблемой. Те, кто проиграл в Гражданской войне, так и не смирились до конца со своим поражением. Для многих южан, хотя, разумеется, далеко не для всех, дело Конфедерации и посвящённые ему памятники до сих пор являются частью коллективной идентичности. Едва ли кто-нибудь в здравом уме начнёт сейчас защищать идею восстановления рабства, однако ностальгия по «Старому Югу» всё ещё имеет оттенок расизма. Именно поэтому памятники генералу Ли перед зданиями судов и в других общественных местах отвратительны, и именно поэтому многие люди, в том числе южные либералы, хотят, чтобы их убрали.

У этой проблемы нет идеального решения как раз потому, что речь идет не просто о каменной скульптуре. Недовольство и обида на Юге являются политическим явлением. Раны Гражданской войны до сих пор не зажили. Значительная часть населения сельского юга беднее и хуже образована, чем население других штатов США. Люди считают, что элита из прибрежных городов игнорирует их, смотрит на них сверху вниз. Именно поэтому много из них проголосовали за Дональда Трампа. Если сбросить с постамента несколько статуй, проблема не решится. Наоборот, ситуация может даже ухудшиться.

(c) Project Syndicate

Ян Бурума

Нью-Йорк

Ян Бурума (Ian Buruma) - писатель и историк, профессор Бард-колледжа (США).